

An abstract painting in shades of blue, grey, and black, featuring a stylized face with large, dark, almond-shaped eyes. A hand with reddish-brown fingers is visible at the bottom right, reaching towards the face. The texture is rough and painterly.

18+

Юрий
Мамлеев

После
конца

роман

альпина

ПРОЗА

Юрий Мамлеев

После конца

«Альпина Диджитал»

2011

УДК 821.161.1-313.2
ББК 84(2=411.2)6-44

Мамлеев Ю. В.

После конца / Ю. В. Мамлеев — «Альпина Диджитал», 2011

ISBN 978-5-00-223148-5

Антиутопия, посвященная антропологической катастрофе. Все в фантастическом безумном мире доведено до абсурда. Русская готика Мамлеева не боится аллюзий. Мы проходим круг за кругом нового ада, и там, за поворотом сюжета, автор в милосердной молитве просит Создателя помиловать отпавшее человечество. Может быть, и тщетно... У этих новых людей нет верхних этажей души. Для кого Для любителей философской, мистической, нуарной прозы. «Так всегда заканчиваются идиллии», – брякнул какой-то старичок, вылезший из кустов.

УДК 821.161.1-313.2

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00-223148-5

© Мамлеев Ю. В., 2011

© Альпина Диджитал, 2011

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Мамлеев

После конца

Издатель П. Подкосов

Главный редактор Т. Соловьёва

Руководитель проекта И. Серёгина

Художник А. Бондаренко

Арт-директор Ю. Буга

Корректоры О. Смирнова, С. Чупахина

Компьютерная верстка А. Ларионов

В оформлении обложки использована работа художника Михаила Шемякина «Святой Христофор»

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Мамлеев Ю. (наследники), 2011

Издательство благодарит Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие в приобретении прав

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

Юрий Мамлеев

После конца

роман

альпина
ПРОЗА

Москва, 2024

Часть I

Глава 1

Валентин Уваров почувствовал, что сошёл с ума. Удар в сознание, а дальше – не понятно, наверное, никому на свете, что с ним произошло. Легче принять смерть, чем это. А ведь он был в жизни своей (Валентину исполнилось недавно тридцать лет) весьма и весьма глубинен, много читал, общался в самых потаённых московских кружках, которые существовали в начале нашего XXI столетия...

Наконец Валентин огляделся. «Оглядеться никогда не мешает», – подумалось где-то за пределами ума. Но куда смотреть – в себя или вокруг? Валентин взглянул вокруг. Милый лесок с невинными птичками, поляна в цветах – всё исчезло, как будто их всех сдунула незримая, но высшая сила...

Оглянувшись, всё-таки Валентин понял, что лучше заглянуть в самого себя. Там уже почти прошло ощущение глобального сдвига, и из океана неопишуемого вполне проглядывала его полузагадочная, но привычная личность. Да, это был он. Личность осталась.

А вдали и вокруг творилось нечто действительно неопишуемое, и не только с точки зрения здравого смысла.

Откуда взялись эти дикие, людоедские, если интуитивно взглядеться, деревья? С их ветвями, обращёнными вверх, словно с мольбой о милосердии?

Над головой – чёрное небо, но почему-то светящееся, словно тьма может излучать свет. Свой свет мрака!

Но была ли ночь?! Вдали на горизонте что-то пылало багровым, по-человечески живым пламенем! Словно люди превратились в огонь.

А земля? По ней и ступать было страшно. Она путалась, шипела под ногами, как змея.

Недобрая это была земля.

«Всё ясно, – решил Уваров. – Я на самом деле сошёл с ума. Всё, что я вижу, – мираж, невиданная самим дьяволом галлюцинация. Что делать?»

Уваров вдруг сам зашипел.

«Если я сошёл с ума, то всё позволено, – попытался успокоить он сам себя. – Иди, Валя, вперёд. Видишь дорожку?! Ну и иди по ней, будь она самой проклятой чёрной галлюцинацией. Иди по ней».

Дорожка и вправду не путалась, виделась, как на балу. Хоть танцуй, хоть беги.

И Уваров побежал. Скорей, скорей, чтоб мираж исчез. «От бега и на душе легче», – подумал он, ни о чём не думая. А внутри что-то стучало: «Это смерть, Валя, но смерть вторая, самая страшная». – «А за что?» – «Да ни за что. Просто так». – «Такое не бывает». – «На белом свете и правда не бывает, а вот у нас, Валя, это как правило», – прозвучало что-то внутри.

Уваров попробовал унять, усмирить душу и всё, что в ней оказалось, словно это была не душа, а вселенский мешок. Но тут кто-то его укусил.

Слава богу, это был человек. Скорее не человек ещё, а дитя, маленькое, юркое и не по росту бесшабашное.

На Уварова смотрели детские глаза, но что-то в них было подозрительное и, мягко говоря, совсем не детское.

– Ты чего кусаешься? – тупо спросил Уваров. Дитя в ответ дико заверещало непонятно что и вдруг вцепилось Уварову прямо в брюки, в член. Уваров инстинктивно защитился и увидел на миг глаза ребёнка, полные ненависти и, кажется, наслаждения, которому нет конца.

В ужасе Валентин отбросил ребёнка и опять побежал. Но куда бежать? На горизонте – пылающий мрак, силуэты причудливых зданий, словно растворяющихся в воздухе. «Мираж» не исчезал, а Уваров всё бежал и бежал.

Наконец остановился – не стало сил. Мальчик оставался далеко позади, но упорно приближался, точно заведённый...

Уваров начал молиться, но с ужасом почувствовал, что слова молитвы падают в пустоту, словно это пространство не принимало молитв.

И внезапно – рёв машины. На дороге оказалось нечто похожее на автомобиль, точнее, бронированный вездеход дикой формы. Из него выскочили четверо низкорослых, но коренастых мужчин, видимо хорошо вооружённых. Чем – Уваров не понял. Они злобно, резко направились к нему. Подскочил и мальчишка. Один из мужчин ударил его кулаком в голову, и ребёнок отлетел в канаву. Другой – подошёл и изнасиловал его, мужчины же стояли и поджидали насильника. Валентин тоже стоял. Изнасиловавший быстро вернулся, а мальчишка как ни в чём не бывало выглянул из канавы и всё смотрел и смотрел.

Вооружённые люди подошли к Уварову, что-то прошипели на совершенно незнакомом языке, если это вообще был язык.

Они впихнули Уварова, находящегося почти в сомнамбулическом состоянии, в машину и поехали.

...Уваров очнулся, надеясь на конец сновидения. Не тут-то было. Один из вооружённых дал ему по зубам и вывел из машины на свет...

То был город с пугающими своей странностью домами: люди, которых, наверное, можно было бы назвать полицейскими, схватили Уварова за шиворот и ввели в здание. Он опять потерял сознание, память и ум, но вооружённые не обратили на это внимания.

Уваров очнулся, когда был уже на сцене, – сооружение, во всяком случае, напоминало сцену. А вокруг – не зрительный зал, а нечто хаотичное. Стулья стояли не рядами, а где попало, и множество крайне низкорослых людей сидели, лежали на полу, стояли, подпрыгивали тоже где попало. Одежда их, однако, была проста. При всём её разнообразии – ничего лишнего.

Рядом с Уваровым стоял человек и что-то говорил, по-видимому, в микрофон на том же невообразимом языке и указывал на Уварова. Позади говорящего – охранники, почему-то с цепями.

До Уварова наконец дошло, что никакая это не галлюцинация, не чёрный мираж, не выжившее из ума сновидение, материализовавшееся каким-то образом, перед ним – так называемая реальность.

Было о чём задуматься. И кровь текла изо рта лишь чуть-чуть реально, видимо, повредил зуб. Тогда Уваров закричал. Кричал он громко, путая русские, английские и французские слова. Все слушали его, не мешая.

Он кричал о том, что можно не верить в Бога, но надо, по крайней мере, уважать любое живое существо, если у него есть глаза, которые смотрят и видят мир.

После его сумбурной, почти безумной речи воцарилось молчание.

Человек рядом опять заговорил, а двое охранников подошли поближе к Уварову. И внезапно люди точно сорвались с места. Уваров только хотел крикнуть, что он не с Луны свалился, но не успел. Кругом завывали, завизжали, но в основном прыгали назад и вперёд, некоторые приплясывали, другие просто совокуплялись на глазах у окружающих. Но вокруг стоял хохот. Многие указывали пальцами на Уварова и давились от хохота, но как-то неестественно и пугающе. Некоторые подбегали совсем близко к Уварову, и Валентина шатало от их взглядов, бессмысленно-трупных.

Активность толпы вдруг затихла. Даже совокупляющиеся расцепились и пришипелись. Вошли люди в темно-синей форме, подтянутые, но свирепые от избытка своих полномочий. Они подошли к Уварову и отшвырнули оратора, стоящего рядом с ним. Охранники

исчезли. Полномочные вежливо-жестко подхватили Уварова и увели его. Длинными подземными коридорами, тёмными, как ночь, его провели в огромную полупустую комнату. В центре её, в кресле, под чучелом невиданной громадной птицы, напоминающим скелет птеродактиля, сидел худой, благообразный на вид старик. Рядом с ним, на стуле, сидел, как изваяние, другой старик, напоминающий большую гадливую кошку. Он раскрыл рот и жестом дал знать Уварову, чтоб он говорил.

Валентин заявил, что он просит доставить его в российское посольство, и повторил своё высказывание несколько раз, то спокойно, то истерично.

Гадливый старичок, видимо, ничего не понял, он лишь внимательно прислушивался к звукам. Потом что-то шепнул на ухо своему отрешённому, как мумия, начальнику. Тот дал указание пальцем.

Старичок подскочил к Уварову и стал его ощупывать и обнюхивать. Прошёлся по спине, по заднице, дёрнул за член, и лицо его выражало полное изумление.

Валентин посмотрел ему в глаза, гадливый старичок улыбнулся, но в его круглых, как луны, глазах проблеснул патологический ужас. Отскочил и, обернувшись к мумиеобразному начальнику, что-то заверещал. Тот наконец ответил – тихо, но грозно. Стражники схватили Уварова, накинули на него ошейник и вывели во двор. Там стояла сигарообразная, серебристого цвета машина, и Уваров, решивший ни о чём не думать, кроме смерти, оказался в ней.

Машина двинулась. Стражники с ничего не выражающими лицами сели рядом. Один из них шумно испустил непристойный звук, никто не пошевелился.

Валентин вглядывался в окружающий мир, надеясь найти в нём что-то знакомое. Ничуть. Этот мир поражал своей агрессивной мертвенностью. Облака, тучи нависали необычно низко, заслоняя собой бездонную голубизну неба.

Лес походил на живое существо, поражённое предсмертной агонией. Пробежал зверёк, словно сошедший с ума.

– И непонятно даже, – пробормотал Валентин, – что сейчас, день или ночь. Может быть, здесь день превращён в ночь, а ночь в день.

Он попытался помыслить рационально, прийти в себя. Во-первых, он жив, а следовательно, жива в нём и вера в Бога. Во-вторых, он попал неизвестно куда, но ведь на свете могут происходить вещи, которые не снились не только философам, но и всем людям, вместе взятым, включая так называемых учёных. В-третьих, если его убьют – это не катастрофа, все умирают и продолжают жить иной жизнью, как и сказано во всех Откровениях. Только не надо задавать себе истерических вопросов: Что это за мир? Где он? Что означают эти люди?.. Рано или поздно это выяснится само собой.

Валентин взял себя в руки. Это был весьма приятный светловолосый человек, глаза зелёные, умные... В конце концов, он недаром вживался в эзотерические, пусть даже скорее полужизнотерические московские круги. Писал стихи, которые встречали глубокий отклик, переводил любопытные книги.

«Самое главное сейчас – не сойти с ума, – подумал Валентин. – Как тот зверёк, что пробежал под землю мимо...»

Но не сойти с ума оказалось трудным делом. Ум настолько расшатался от всего увиденного, что Валентину казалось – ещё немного, и ум полетит в бездну, и что возникнет вместо ума, одному Богу известно. Ум висел над пропастью, из которой нет возврата...

А машина мчалась и мчалась.

Внезапно – стоп, приехали. Уварова вытолкали наружу. Перед ним было нечто вроде крепостной стены, уходящей вдаль, в бесконечность. Но в стене оказались ворота. Они медленно открылись. Валентин ожидал увидеть там нечто чудовищное, вроде спрута, пожирающего самого себя, но за стеной виднелась дорожка, поляна, кустарники, деревья... Охранники ввели Уварова внутрь. У ворот стояла молчаливая стража.

Во время поездки Валентина больше всего угнетало молчание. Молчали не только охранники, молчало всё: природа, деревья, небо, весь мир. Автомобиль и тот ехал бесшумно. Мир вокруг молчал так, как будто его уже не существовало. Зловещее это было молчание...

Охранники повели Валентина по дорожке. Шли недолго – минут пятнадцать, если считать по-нашему, и наконец Валентин увидел небольшой одноэтажный домик. Словно дача какая-то. Охранники указали ему на домик, а сами неожиданно повернулись и пошли назад. Валентин оцепенел, но ему ничего не оставалось, как идти к домику.

«Пространство всё это, видимо, окружено стеной, – подумал он. – Да и куда идти? Только к домику». Валентин огляделся. Как ни странно, природа здесь оказалась как-то чуть-чуть человечней, немного мягче, что ли. Он побрёл к домику, один, в своём лёгком летнем костюмчике, купленном в Питере... Но опасность сумасшествия не сходила. Окна домика были открыты, и вдруг он услышал такое, от чего холод прошёл по спине. Он почувствовал, что сердце вот-вот разорвётся.

Слышал он пение: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, родимая, попусту в изъян...» Пела женщина, на чистом русском языке. Потом открылась дверь, и на пороге появилась девушка в народном русском одеянии. На её голове красовался кокошник.

Если можно сойти с ума дважды, сначала один раз, а потом ещё один, в глубь безумия, – то именно в таком состоянии застыл Валентин. Но второе безумие было уже блаженным.

Глава 2

– Мама, мама, ещё один! – закричала девушка в глубину дома. – Он русский, наш, сразу видно!

На её зов вышли пожилые люди, женщина и мужчина, лет пятидесяти, может быть, тоже в народной одежде, похожей на ту, которую носили в XIX веке. Они остолбенело смотрели на Валентина. Но девушка решительно и неожиданно подбежала к нему.

– Не бойсь, – тихо сказала она. – Здесь свои. Никто тебя не обидит. Идём в дом.

– Где я? – спросил Валентин.

– В аду, – ответила девушка. – Но здесь наше пристанище, и тут не ад, а русский дом.

Валентин твердил про себя только одно: «Я не сошёл с ума, я не сошёл с ума... Господи, помилуй...»

Девушка улыбнулась и вслух произнесла:

– Господи, помилуй... Идём, будешь нам родным.

«Если принимать зло как факт, то и благо надо принимать так же, – мелькнуло в уме Валентина. Улыбка девушки, её лицо сразу ввели Валентина в очистительный транс. На глазах его появились слёзы, он готов был разрыдаться.

«Только бы это не оказалось сном, пусть то, что было раньше, будет сном, но только не это», – молниеносно подумал он. Губы его дрожали. Тем временем подошли пожилые люди. Мужчина сразу представился:

– Потапов Иван Алексеевич. Родился в одна тысяча восемьсот десятом году в Костроме. А ты, сынок, откудова?

Уваров чуть не упал, но возразить не посмел. «Или я ослышался, или он сумасшедший, – подумал он. – А может, шутит...» В ответ он только развёл руками.

– А я Полина Васильевна, – добродушно сказала женщина. – Родилась в одна тысяча восемьсот двенадцатом, при пожаре Москвы, при Наполеоне, Антихристе... А это дочка наша, Даша. Ей всего семнадцать лет.

«Не возражать, не кричать, не топтать ногами, – решил про себя Валентин. – Ведь они добрые», – и, повинувшись доброте хозяев, пошёл в дом.

– Тебя как зовут? Ты отколь? – спросил Иван Алексеевич, когда они подходили к дому.

– Валентин я, из Москвы.

– Святое место, – тихонько вздохнула Полина Васильевна.

– Маменька, смотри, он сам не свой, пожалей его, – спохватилась девушка. – Легко ли, попасть в ад...

– Обогреть тебя надо, обласкать, Валентин, – согласилась Полина Васильевна.

– Главное, ничего не бойся, – добавил сам Потапов. – Мы православные и при жизни всегда всё соблюдали, людей и Бога любили, а попали сюда, потому что Господь захотел испытать наше терпение, а не потому что мы какие-то там прихвостни врага человеческого... И ты тоже такой, по лицу видно – душа у тебя добрая...

Так, за беседашкой, они вошли в дом. Прошли в комнату, где всё было просто и как положено. Самодельные иконки в углу, белая скатерть на столе, стулья, шкаф. До крестьянской избы, конечно, недотягивало, но в целом Валентин почувствовал: здесь покой и нормальность.

Расселись за столом.

– Мы люди простые, из бедных дворян. Когда сюда попали – обомлели, плакали целыми днями. Кругом черти, да ещё в человеческом обличье. Визжат, кусаются, творят такое – слов нет. Перед иконами стыдно говорить. Мы думали: за что же души наши погублены, за что? – рассказывал Иван Алексеевич. – Но молитва помогла. Молились мы втроём – и, наконец, Господь сподобил, осветил нас Словом Своим. Во сне разум мой освежился, и сказано было мне,

чтоб я, мы все терпели, а души наши спасены будут по воле Божьей. Для Бога и ад не крепость. С тех пор лучше нам стало.

– А как вы сюда попали?

– Как, как... Шли втроём по бережку, потом по леску, грибы собирали. Солнышко светило ласково... И вдруг сила нечеловеческая, вестимо, бросила нас сюда...

Между тем Полина Васильевна уже хлопотала насчёт обеда. Помолились.

Потапов промолвил:

– Но не думайте, страху много будет. Не собьётесь – душа спасётся.

Валентин понемногу приходил в себя, но мысли путались, и он не знал, с чего начать... Вспомнил наконец, что оставлены в далёкой недостижимой России родители, друзья... С женой Валентин, однако, развёлся два года назад, детей от этого короткого брака не было...

Еда, в глазах Валентина, чем-то отдалённо напоминала прежнюю, российскую.

– Вот это мы называем картошкой, – умилялась Полина Васильевна, – вот это – луком... и гляньте на хлебушек. Кушайте на здоровье... Другое здесь не растёт...

Встали, помолились, как в былые, хорошие времена.

– Не думай, а лучше говори с ним, сынок, – тихо сказала Полина Васильевна. – Не огорчайся очень... Раз ты к нам такой пришёл, то испытание адом тебе дадено, как и нам... Но душа твоя спасена будет... я чувствую это... как и наши души... это главное... А там хоть съедят нас, – дело второстепенное... Душе-то что? Она из другого теста создана.

Валентин молча вкушал пищу ада.

– Откуда вы её берёте? – наконец спросил он.

– Немножко вокруг растёт, а потом нам черти привозят... Они же здесь в человеческом виде, – ответил Иван Алексеевич. – В этом их свойство, особенность. И как будто по-человечьи говорят, ну а сами... Увидишь, сынок, какие это люди, сразу поймёшь, кто они. Не дрожи, держись веры, но страх огромный на тебя нагонят...

– Для чего они вас держат?

– Не знаем, – ответил Потапов. – Им виднее... Лучше об этом вам Серёжа расскажет.

– Какой Серёжа?! – удивился Валентин.

– Какой есть. Молодой человек. Хорошего образования. Попал сюда немного позже нас. Хоть и чудной, но стал нам родной, – добавил Иван Алексеевич.

– Его сегодня черти привезут, – пояснила, покраснев, Даша. – Взяли, но должны привезти обратно.

За окном послышались какие-то звуки. Полина Васильевна подбежала, раскрыла окно.

– А вот и он идёт, лёгок на помине.

Вскоре Валентин услышал пение и ясно различил слова:

Пой же, пой на проклятой гитаре,
Ходят пальцы твои в полукруг.
Захлебнулся бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг...

Рядом с ним молча шли черти. Их было два.

Валентина эти слова поэта из прошлого, это пение в аду резануло так, что в глазах его потемнело, он вскочил и пошатнулся, припав к стене.

...А в комнату уже входил он – Серёжа Томилин, исчезнувший с лица земли в 1926 году и попавший в ад. Впрочем, у Серёжи было своё мнение относительно того, куда он попал. Через несколько минут Валентин и Серёжа Томилин стали неразрывными друзьями.

После обеда Потаповы, как и полагалось в XIX веке, пошли спать, и Серёжа с Валентином остались наедине.

– Ты пойми, Валя, – говорил ему через часок беседы Сергей. – Не ад это, не ад. Теологически не сходится... Но старики так считают, я их люблю, они мне как родные – но они слишком просто судят... Оно, конечно, похоже, и метафорически, косвенно, что ли, это ад, и мы среди чертей... А что, не черти, что ли, были в 17-м? Среди руководства Чёрный козёл, он может любой облик принять... Ему-то что... Но не ад тогда был, и здесь не ад...

– А что же, что?

– Ты мне сначала скажи, с какого ты года рождения?

– С 1977-го.

– Ого-го! А я в двадцать шестом пропал... Ну и как? Большевичье-то поганое небось прогнали где-нибудь к 30-му году?

– Не прогнали. Но сейчас их нет... Потом всё расскажу, какой расклад получился... А сейчас ты же не ответил мне на главный вопрос: где мы?

Сергей пересел на стул поближе к Валентину.

– Валя, в себя приди! Мы же в физическом теле... В ад можно попасть только после смерти. В какой-то степени это, конечно, ад, но не совсем. Тут дело сложнее...

– А как же старики, такие православные, не понимают этого?

– Да всё они понимают! Я с ними сроднился, они даже мой язык XX века чуть-чуть переняли, но они считают, что оказалось, вопреки богословам, ад может быть и в физическом теле... Просто богословы об этом не знали, мало ли что богословам неизвестно, не всё Бог нам открыл, а только частично...

– А ты как считаешь?.. Выпить бы сейчас, Серёга...

– Алкоголя тут нет... А я полагаю, что мы попали в необъяснимый фантастический мир. Его надо принять, и всё.

– Сергей, ну это не объяснение, а поэзия просто.

– Хорошо. Слушай. К нам приходит один человек. Из их племени. Великий учёный, жрец – не знаю, кем они его считают... Но он прячется от них в подземельях... И посещает нас. Как он обходит охрану – не знаю... Имя его – Вагилид. Он знает древние языки, как он выражается. В том числе русский... Так вот мы попали в отдалённое, точнее, очень далёкое от XX века будущее человечества.

Валентин заходил по комнате. Кровь бросилась в лицо.

– Что, что? Это, именно это – будущее человечества?

– Да.

Глава 3

Валентину и Сергею постелили в одной небольшой комнате. Среди глухой ночи Сергей проснулся и привстал.

– Ты плачешь, Валентин?

Ответом были слёзы, комок ужаса в горле.

– Тебе жалко человечество? – Сергей говорил почти шёпотом, но слышали бы даже крысы, такая стояла бездна тишины и мрака, словно вся земля превратилась в огромное кладбище. – Послушай, – продолжался шёпот, – не всё так однозначно. У Вагилида есть документы, книги, что-то осталось от прошлого. Видимо, есть и другое человечество, не здесь. Произошло нечто грандиозное, неопишемое...

– Я не по себе плачу, – медленно проговорил Валентин.

– Послушай, как сейчас в России? – с внезапной тревогой спросил Сергей.

– Плохо. И в России, и в мире. А XXI век идёт и идёт.

– Я так и думал.

– Потом расскажу.

Сергей встал и сел на кровать в ногах у Валентина.

– Сергей, а зачем они тебя вызывали? Что они с тобой сделали? Что они хотят от нас?

Лицо Сергея еле виднелось во тьме, и вся его фигура словно была поражена тьмой этого мира.

– Что сделали? Взяли кровь, и только, но я держусь. Хоть бы скорей убили или съели нас. Освободиться бы от тела и уйти из проклятого мира... Останется душа и тонкое, энергетическое, невидимое физически тело, и вот тогда мы узнаем, куда попадём... Тогда мы узнаем, куда попадём... Тогда будет надежда, и не только...

– Ты думаешь, они хотят нас убить, как-то использовать физическое тело?

– Нет... Они бы давно всё это сделали... Я – интуит, и кажется мне, что они не откармливают нас для своих лабораторий, если они у них есть. Мне видится, что мы нужны для какой-то иной, тайной цели. Даже Вагилид не может понять, для какой... Он – единственный здесь друг нам. Особенно не верю никаким объяснениям. Вагилиду верю, но наполовину.

– А во что верить? – тихо-тихо спросил Валентин, точно их разговор подслушивали тысячи демонов.

– В Бога, конечно, и в реальность фантастического мира. Если вдруг я увижу здесь, в теле, живой сгоревшую при пожаре мою мать – я не удивлюсь. И не надо никаких объяснений.

– Серёжа, спой мне что-нибудь, – попросил вдруг Валентин. – Ты так пел, возвращаясь.

– Валя, ты не ребёнок... Но и я чуть не сошёл с ума, когда попал сюда. Но мне никто не пел. Но надеюсь, мы рано или поздно услышим райское пение.

– А я хочу русское, а не райское.

– Да если петь здесь наши песни, сердце и всё существование перевернётся вверх дном. Хотя я пробовал.

– И какой результат?

– Я один раз перед местными ни с того ни с сего запел. Убежали, как молнии. Не место здесь песням.

Поговорив ещё немного, Сергей и Валентин, как-то успокоившись, всё-таки заснули.

Проснулись поздно, когда в дверь постучались. На пороге стояла Полина Васильевна.

– Как почивали, дорогие? Мы уже помолились, позавтракали.

Сергей повёл Уварова на задворки, где было что-то похожее на умывальник. Валентина поразила белая курица, выскочившая с кудахтаньем из-за бревна.

«Абсолютно как наша курица. Не отличишь. Значит, они совсем не изменились», – подумал он, сопровождая курицу пристальным взглядом. Сергей всё понял и усмехнулся.

– Такая же, но не совсем. Абсолютно не изменились крылья. Им и конец света нипочём. Довольно плотно позавтракали.

– Это мы называем сыром, – объяснила Полина Васильевна про невзрачную серую массу.

– Голод не тётка, матушка, – ответил Сергей. – Съешь даже пищу конца мира, была бы хоть немного съедобна...

Не успели выйти из-за стола, как раздались отдалённые свирепые звуки.

– Это повелитель к нам едет, – немного умильно сказала Дашенька, дочка.

– Какой ещё повелитель, Сергей? – встрепнулся Уваров и увидел, что старики побелели.

– Ничего страшного, – успокоил Уварова Сергей. – Едет главный начальник этой страны.

Вагилид объяснил нам, что его надо называть Правитель, но это сам чёрт не разберёт.

– Неприятно всё-таки, – сморщился Потапов. – Он приезжает к нам иногда осматривать нас. Никакого зла он нам не сделал пока...

Валентин так и ахнул. «Начинается», – подумал он.

На дворе уже стояло огромное чудовище, внешне мало похожее на автомобиль. Стражники роботообразно вывели всех пятерых пришельцев во двор и поставили в один ряд. В середине – Иван Алексеевич Потапов, а с правого боку от него – Потапова и Валентин. Сергея же поставили с левого боку, а потом Дашу. Сзади – крупно вооружённые стражники. Оружие непонятно-неприятного вида и к тому же устрашающее.

Повелителя (так уже называли его Потаповы) вынесли из автомобиля в кресле. Кресло было простенькое, что подчёркивало величие Правителя. Кресло почётно поставили перед нашими новосёлами на вполне гармоничном для общения расстоянии. Четыре стражника, двое сбоку и двое позади, застыли как изваяния у кресла.

Валентин внешне тупо повиновался во всём, подобно остальным, но повиновение в основном выражалось в молчании. Молчали новосёлы, молчали стражники, молчал и Повелитель, худой старик с лицом, похожим на отрешённое чучело. Повелитель тем не менее пристально вглядывался в своих арестованных пришельцев. Взгляд его не отрывался от их лиц, и внезапно Повелитель заплакал. Он плакал беззвучно, минут пять-шесть. Стражники не шелохнулись. Потом дал знак, кресло почтительно внесли в автомобиль, и тут же машина стремительно двинулась и скрылась. Пришельцы так и застыли на месте до тех пор, пока странный звук от автомобиля, похожий на крик птицы, не затих окончательно.

– Что это такое?! – вскрикнул наконец Валентин.

– Всегда так, – ответил Иван Алексеевич. – Он приезжает, смотрит на нас и плачет. Потом уезжает, ни одного слова, ничего больше.

– Никакого знака вообще, – пробормотал Сергей.

– Ну и Господь с ним, – прошептала, замешкавшись, Полина Васильевна. – Уехал, и слава Богу. Одному Творцу только известно, кто он такой. А мы люди простые. Не убили, и ладно.

* * *

...Чтобы скрасить существование, собрались все вместе в маленькой комнатухе, Бог знает на что рассчитанной.

Дашенька села у окошечка, как бывало в России, и окончательно задумалась. Она смирилась, слушаясь родителей, но её ещё детское сердце не признавало ада. Смотрела она вдаль, но и там не было ни России, ни царя-батюшки.

– Расскажите, не боясь правды-матки, Валентин, что случилось с Россией? Сергей говорит, что была революция и царя свергли. Неужто? – спросил тихо Потапов.

– Уж извини, Серёжа, – вмешалась Полина Васильевна, – но никогда этому не поверю. Не могу поверить, и всё. Чтоб свергнуть, свершить насилие над помазанником Божьим, который перед Богом и всем христианским миром отвечает за страну и правит ею? Не поверю. Какими же надо быть злодеями, чтоб нарушить то, что сам Бог установил.

Сергей осторожно шепнул Уварову:

– Только про расстрел не говори, ради Бога... Не добивай предков наших дорогих, жизнь нам давших.

– Что вы там шепчете, Сергей, пользуясь тем, что мы глуховаты малость? – пробурчал Иван Алексеевич.

Валентин был поставлен в тупик. Он мямлил, дёргался и всё ссылался на то, что XX век нашим драгоценным прабабушкам распознать трудно.

– Говорите прямо. Как будто вы перед самим Суворовым стоите, – рассердился наконец Иван Алексеевич.

– Знаете, война была, разруха, и так стало тяжело, что сам царь отказался от престола, – смутясь, ответил Валентин. – Но и тут, как коршуны, набросились делить власть...

Целых три дня прошло в таких разговорах.

– Отдана была светлая Россия Сатане, да мир заодно с нею, – закончил Сергей. – Я помню, как жили до этих событий 17-го года. Даже самый бедный народ был какой-то жизнерадостный, весёлый, словно Светлая Пасха, когда двери домов были открыты для всех. А что не быть жизнерадостным, если в вечной жизни, после так называемой смерти, были уверены. Это же надо, за весь XIX век только человек десять казнили, приговорив к смерти.

– Да это мы сами знаем без вас, – опять осерчал Потапов. – Вы нам про будущее расскажите, про XX век. Раз вы, молодые люди, после нас в ад попали...

И Сергей, и Валентин отвечали уклончиво, дескать, войны одни были...

– И не бойтесь сказать, – вставил Потапов, – что христианская вера была почти везде и повсюду в мире поругана – мы сами знаем, что по пророчествам так оно и должно быть.

– Вестимо, батюшка, – отозвалась Даша, – как объяснить иначе, что мы здесь оказались.

Так и прошли эти три дня – Валентин расспрашивал об аде, Сергей – о мире, о России и сам не верил, что он в аду, Потаповы не верили, что царя свергли.

Глава 4

Следующим утром Валентин спросил Томилина:

– Серёга, ты хоть самых величайших поэтов России XX века видел?

– Видел, как читали они свои стихи, но не более, – вздохнул Томилин и прибавил: – Мы с тобой, Валя, здесь как во сне сейчас живём... Три дня нас не трогают, и нам снятся сны – где явь, где сновидение и где наш разум – неизвестно...

За завтраком Уваров всё-таки пошутил:

– В этом аду, как в санатории. Кормёжку привозят...

Но на глаза Даши навернулись слёзы.

– Как в зоопарке, Валентин, – оборвал его Сергей. – Сейчас передышка, а потом узнаешь, какой здесь санаторий.

Дашенька не знала, ни что такое «санаторий», ни что такое «зоопарк». Она просто плакала. За окошком не виделась Россия, один рассвет того, что неописуемо.

Вдруг в соседнее оконце четыре раза постучали. Сергей вскочил:

– Это Вагилид... Тот, о котором я тебе говорил, Валентин... Но он не должен был прийти сейчас.

Открыли.

– Он наш друг, – успел ещё шепнуть Сергей, – подземный жрец и духовидец.

На пороге стоял высокий худой человек, совершенно не похожий даже сложением на местных. Одухотворённое лицо, один глаз – страдальческий, другой – как бездна. Одежда напоминала древнеримскую тогу.

– Все собрались, дети мои из далёкого прошлого? – сказал он на ясном русском языке, но со странным акцентом.

– У нас вновь прибывший, – заговорил Сергей.

– Я знаю об этом.

Валентин, забыв о том, что рассказывал ему о Вагилиде Сергей, был потрясён до безумия. Он не знал, что вымолвить. Наконец пролепетал:

– Вы знаете русский? Что это такое? Где я?

Вагилид усмехнулся:

– Я изучал древние языки: русский, китайский, санскрит, французский... Это искусство давалось мне быстро и легко – не без помощи магии, между прочим... Я читал русские книги и знаю разговорный русский. К тому же – практика.

Он взглянул сначала на Потаповых, потом на Сергея.

– Хотите покушать, Вагилид? – робко спросила Полина Васильевна.

– Не надо. Мне нужно поговорить с новым пришельцем. Наедине. Около дома, там, где столик.

Валентин, не совсем убеждённый в реальности происходящего, поплёлся за ним.

Уваров боялся этого ощущения нереальности, того, что явно всё-таки происходит, но не похоже на явь. «Ум не может такое воспринять и поэтому гибнет, – подумал он и стал успокаивать себя, резко и истерично: – Я жив, чего же ещё надо?!»

– Совершенно справедливо вы шепчете, человек, – услышал он голос Вагилида, – вы живы, и что ещё надо, кроме жизни?! Остальное – пустяки.

Валентин вздрогнул, но согласился.

Они сели за обычный, в конце концов, столик. Всё-таки некоторые приметы сохранились. Но деревья около столика ошеломляли своей неправдоподобностью. Уварову даже казалось, что они немного двигаются из стороны в сторону и того гляди могут сцапать, схватить своими

коггистыми ветвями. Схватить и унести. «И деревья, как всадники, съехались в нашем саду», – мелькнуло в уме.

– Сидите спокойно и не бойтесь, – пояснил Вагилид. – Почти все деревья в нашем мире пособники вампиров. Особенно в лесах. Но вам ничего не грозит. Расскажите о себе. Подробно.

Валентин собрался с духом и рассказал. Вагилид иногда задавал короткие, отрывистые вопросы.

Наконец Валентин кончил.

– А теперь я хочу спросить только одно: где я?

Вагилид с грустью посмотрел на Валентина.

– Я не буду вилять и отнекиваться, – такое владение русским языком выводило Валентина из себя и разрушало последние нервы, – и скажу вам прямо: вы попали, дорогуша, в период после конца света.

– Что вы говорите? – Валентин вскочил с места. – Этого не может быть!!!

– Успокойтесь! Может быть всё, конец света был. Только не принимайте это близко к сердцу.

– Не верю.

– Да оглянитесь вокруг, друг мой. Неужели не ясно, что конец света был?

– Как понять?

Вагилид довольно отрешённо посмотрел на пришельца.

– Сядьте. Сейчас объясню. Вы, кажется, из XXI века попали сюда? Бывает, бывает. Сдвиги во времени. Но XXI век – это такая дремучая древность. С тех пор, милейший, прошло не одно тысячелетие. Было всё: и покой, и взлёты, и адские падения. Но финал состоялся, и в общем в согласии с древними откровениями.

Валентин молчал. Он стал ощущать, что он находится там, где невозможно находиться. Всё: и деревья, и стол, за которым сидели, и сам Вагилид – казалось призраками и смертью, вечной смертью.

– Состоялось глобальное столкновение двух противоположных начал. Одно из них увело избранных по духу туда, где иная земля и иное небо. Другая, падшая, так сказать, часть человечества тоже по-своему определилась, и живые, и мёртвые. Всё свершилось по древним пророчествам, за некоторым исключением. Земля превратилась в вихрь Гнева Божьего. Казалось, всё разрушено. Человечество ушло. Кто за чёрным спасителем, кто в рассеянье по вселенной, кто в ад, кто в сферы истинного спасения и духа. Кругом одни патологические развалины, и вдруг среди этих развалин появились, возникли, как черти в табакерке, люди. – Валентина передёрнуло. – Да, да, люди, другие люди, волосатенькие, низенькие, озлобленные, с шаровидными глазами и с необычайно коротким периодом жизни.

И Вагилид захохотал. От громко-зловещего хохота будто закачались ветви деревьев.

– Не черти, а люди. Всё изменилось на земле, человек как образ и подобие кончился на земле, но мы остались.

И Вагилид хихикнул, что выглядело странно. Валентин что-то лепетал в ответ, сам не понимая что.

– Всё изменилось на земле физически, но жить было возможно. С трудом. Особенно ожесточала короткость жизни. Её трудно перевести на ваш доисторический счёт, но приблизительно это всего лишь лет двадцать-тридцать. Конечно, и развитие человека идёт быстрее, так называемое детство к примеру.

– Мало, мало живёте, – тоскливо и нелепо пробормотал Валентин. Ветвь неопишуемого дерева нависала над самой его головой.

– Это ожесточение из-за краткости жизни. Это парадокс. Но из-за этого парадокса даже бытовая жизнь у нас тяжёлая. Мы кусаемся, убиваем друг друга, и всё в повседневном круго-

вороте. Это мелочи, конечно, но о большем я умолчу пока. Вы и так расстроены до потери лица своего. Кое-что мы восстановили, сохранились отрывки знаний, некоторые книги и записи. Но то, что работало у вас, в новых земных условиях оказалось неприменимо. Я уже не говорю о религии, метафизике, искусстве, литературе – всё это и запрещено, и забыто. У этих новых людей нет верхних этажей души.

– А как вы? – спросил Валентин, переходя в какую-то тихую истерику, не знаемую им ранее.

– Законный вопрос, друг мой. – Вагилид хохотнул и похлопал Валентина по руке. – Среди них стали возникать, как поганые грибы, мы. Те, кто может духовно познать то, что могли познать вы, древние. Нас на всей земле горстка, всего несколько. Нас ненавидят и уничтожают. За то, что мы другие, даже за то, что мы живём дольше их. При одном упоминании о нас правители их стран воют, глядя на небо. Мы прячемся в подземельях. Но в этой стране, куда вы попали, у меня есть покровители. Из своих тайных соображений. Я к тому же один в этой стране, хотя она одна из самых больших по территории. Земля по-прежнему трясётся, везде провалы, огонь, лава, но, конечно, не в такой степени, как при Конце. Население маленькое, и стран мало, ибо немного земли пригодно для жизни.

– Что делать? – тупо спросил Валентин.

– Это вы скоро узнаете, – несколько зловеще, но с доброй улыбкой ответил Вагилид. – Они и мы – не святой остаток человечества. Причём это мягко сказано. Но не думайте, что всё однозначно. Началась новая человеческая реальность. Я дал только общую картину. Но внутри её – тайное течение, невесть откуда взявшиеся необычные личности, иная направленность магии и так далее.

– Хорошо. Я понял и верю вам, но что произошло за эти тысячелетия от XXI века до Конца?

– Многого хотите. Связь утеряна, сохранилось лишь кое-что.

Вагилид вдруг наклонился к Валентину, и лицо его, человека после Конца, озарила добрая, радушная улыбка.

– О вашем времени расскажу немного и покажу потом кое-какие сохранившиеся чудом текстикки. К середине XX века, очаровательный вы мой Валентин, человечество необычайно потупело. В цивилизации, которая задавала тон, большинство людей почти полностью потеряло реальное представление о том, каков мир, где они живут. Они сочли, что физический мир – единственная реальность и ничего другого не существует. В то время как в действительности они были окружены многочисленными параллельными и, наконец, высшими мирами. Они тупо и свято доверяли так называемому научному мировоззрению, тоталитарному и нелепому, которое возвело данные своих частных наук до уровня всей реальности в целом, включая её духовную сторону. К конкретной науке это не имело отношения...

Отчуждённое, суховатое, словно забытое и Богом и Дьяволом, лицо Вагилида исказилось почти детским смехом.

– История вашего периода комична до какого-то кукольного трагизма. Летали на Луну, к планетам и находили только мёртвую пустыню. Короче, искали не в том направлении. А жадность, злоба и стремление к господству над другими – этому и вампиры могли бы позавидовать. Бесконечные войны, бессмысленные «высокие технологии», но жадность и поклонение деньгам – невероятные. Чернь совершенно отупела от всех политических фикций, иллюзий, ими иногда удачно манипулировали, и особенное воздействие оказывало телевидение, спорт, наркотики, половые извращения, характер работы – эдакий парадоксальный коктейль. Население постепенно стало превращаться в зверороботов. Извините, далеко не всё конечно. Но в целом – идиотическое господство материализма и власть денег. А войны, амбиции? Визгу, шуму сколько, одних атомных бомб сотворили на всю планетную систему! Одни жирели, дру-

гие умирали с голоду, одних бомбили, другие торжествовали... Словом, прогрессивное разрушение век за веком.

Валентин пошевелился:

– Да, многие, то есть пусть немногие, сознавали это и в XX, и в XXI веке.

– Ну и ладно, что сознавали.

Вагилид уютно и опять в контрасте с его отрешённым видом потёр руки:

– Но вот гораздо меньше людей сознавали самое худшее, что несла эта вульгарная и рациональная цивилизация. А именно: она стала гигантским поставщиком человеческих душ в ад, стала фабрикой ада ничтожных душ и других низших состояний в частности. Религия не могла помочь, ибо её превратили в карикатуру, опять-таки за немногочисленными исключениями. Убили всё духовное и великое. Что могли обожрали, осмеяли, обрызгали мочой, слюнями своего продажного жалкого ума, и всё это под вывеской свободы.

Валентин развёл руками:

– Насчёт ада я как-то не думал. Боялся смотреть вглубь, наверное.

Вагилид одобрил тёмное признание.

– Хорошо, хорошо, но чем это кончилось?

Вагилид хохотнул несколько гробовым хохотом, но его хохот был более искренен, чем ожидал Валентин.

– Уж не думаете ли вы, что концом света? Хо-хо-хо... Что вы, что вы? Возможности зла и всего цикла вообще ещё не были исчерпаны. Трудно же принять, мой друг из далёких доисторических времён, толстопуzych или долгоязычных монстров, управлявших вашим миром, за серьёзных богоборцев. Кишка тонка. Чтобы бросить вызов Богочеловеку, нужен всё-таки другой уровень. Конечно, они пыжились, но до нормальных сатанистов недотягивали. Эдакие недосатанисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.